

Василий Брусянин

Айно из леса

Василий Васильевич Брусянин
Аино из леса
Серия «В стране озёр»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9815455

Аннотация

«Много лет назад, когда Аино схоронила своего мужа, Генриха, и осталась с ребятами на муки и горе, – все в деревне говорили:

– Вот и ещё остались люди, которых надо кормить обществу...

Дошли эти слова до Аино, и она с гордостью отвечала всем обидевшим её:

– У Аино у самой две руки...

– И какая глупая женщина, эта Аино, чего она храбрится? – с едкостью в голосе вставил своё замечание и старый, и усатый Томас, которого русские рабочие прозвали „пауком“...»

Василий Васильевич Брусянин Айно из леса

Много лет назад, когда Айно схоронила своего мужа, Генриха, и осталась с ребятами на муки и горе, – все в деревне говорили:

– Вот и ещё остались люди, которых надо кормить обществу...

Дошли эти слова до Айно, и она с гордостью отвечала всем обидевшим её:

– У Айно у самой две руки...

– И какая глупая женщина, эта Айно, чего она храбрится? – с едкостью в голосе вставил своё замечание и старый, и усатый Томас, которого русские рабочие прозвали «пауком».

Дошли и эти слова местного купца до бедной вдовы, и она с насмешкой в голосе сказала:

– Ах, хамэхэки!.. Хамэхэки!..¹

Всё же Айно приходилось одолжаться у Томаса и деньгами, и товаром из его лавочки. И всегда она делала это с болью в сердце, но что было делать – и деньги в своё время нужны, не проживёшь и без кофе, керосина, спичек и круп разных.

---

¹ фин. Ah, hämähäkit!.. Hämähäkit!.. – Ах, паук!.. Паук!..

Гордая Айно с молодости не любила деревенского богатея как и всех богатеев. Она помнила, как плохо приходилось её покойному отцу, когда тот, будучи торпарем, отбывал у помещика работу и жил как раб.

Не уступила Айно Томасу и тогда, когда он начал «пошаливать» с нею как с молодой вдовой. Ещё при жизни Генриха кое-кто посмеивался над Айно, видя, что она по сердцу пришлась богатею. А Генрих делал вид, что не замечает особенных взглядов Томаса и не слышит того, что в шутку говорят в деревне.

А втайне беспечный и ленивый Генрих думал:

«Пусть бы пошалила немного Айно, не убудет её».

Слабый здоровьем Генрих не любил работать да и не мог. Прожив молодые годы в Петербурге и Выборге и занимаясь чисткою труб, он совсем неприспособленным чувствовал себя к деревенской жизни и работе. И странно было видеть, когда Айно исполняла все тяжёлые работы по дому, а Генрих только помогал ей. И если бы не Айно, Генрих не сумел бы вырастить своих ребят.

А ребят у Генриха и Айно было немало: два сына и две дочери, да два мальчика умерло ещё в раннем детстве.

Бывало соседи посмеиваются над Генрихом и говорят:

– Тебя бы заставить рожать-то, так ты и узнал бы, как это нелегко. А ты вон всё Айно заставляешь...

– Генрих согласился бы и рожать, если бы Айно дала слово воспитывать младенцев! – смеялись другие, более злые

на язык.

Генрих с добродушной улыбкой выслушивал все эти насмешки, но не решался высказывать вслух своего неудовольствия. Боялся он почему-то людей, и всегда так выходило, что все его обижали и смеялись над ним. А всё потому, что Генрих был бедный человек и скромный.

Когда у Генриха родился последний ребёнок, маленький, чуть живой Пекка, даже и сам пастор посмеялся над отцом и сказал:

– Куда тебе столько детей, Генрих?.. Сам ты слабый. Ну для чего ты их рожаешь?..

– Бог знает, для чего они рождаются! – отвечал Генрих и улыбался, пряча за своей улыбкой свои мрачные думы.

Умер Генрих за тяжёлой работой, ворочая камни на поле соседнего помещика. Умер он и горько плакали по нему только Айно да его ребята.

Схоронила Айно мужа и пошла в помещичье поле заканчивать подряд мужа. Товарищи по работе, мужчины, видели, как она выбивается из сил, потея и тяжело дыша за мужицкой работой. Видели это и уговаривали Айно, мол, сами за Генриха закончим работу. А Айно стояла на своём и работу мужа закончила.

С этого времени и пошла у Айно наполовину мужская, наполовину женская работа: дома, около ребят, она и нянька, и мать, и кухарка, а понадобятся её руки на дворе или в поле, – она и там на месте, не хуже любого мужика справляется

с работой.

Ветхую избёнку оставил Генрих своей жене. Пришлось перекрыть кровлю, окна поправить, а сени совсем убрать, развалились они и грозили падением. Ничего только Айно не могла сделать с заборами, подгнили они, местами развалились, а местами склонились на улицу. Года два подпирала кольями Айно заборы, а потом и рукой махнула, истопила в печи прогнившие палки и колья, и стояла её избёнка без загорожи, а так – лесом окружённая со всех сторон.

Да и для чего Айно нужна была загорожа: огорода около её избы не водилось, и она только мечтала о грядках картофеля. Хлебных полей также около усадьбы не было: не любил Генрих заниматься такими пустыми делами. Мечтатель он какой-то был и всё думал, что вот кто-то придёт и изменит его жизнь к лучшему.

И немало подивились соседи, когда лет через пять увидели около дома Айно новую изгородь, а за изгородью гряды картофеля и хорошо пропаханную полоску ржи. В лесу одиноко жила Айно, и соседи редко видели, что она там делает, а энергичная женщина делала своё дело.

– Овса бы тебе, Айно, посеять! – открыто посмеивались соседи над женщиной, намекая на то, что у неё нет лошади.

– Сыновья вырастут, будет и лошадь! – отвечала Айно. – А смеяться вам надо мною нечего. Помощи просить не приду... Ну вас к чёрту всех!..

Но скоро и соседи перестали посмеиваться над Айно, ви-

дя, как она ведёт своё хозяйство. А доброжелатели трудолюбивой вдовы говорили:

– Молодец Айно! Она поднимает ребят!.. Сможет это сделать...

И Айно принялась «поднимать» детей. Старшего, Генриха, названного в честь отца, отдала она в кузницу. Работа не мешала мальчику посещать школу. За ним следом в школу был отдан и Карло, младший сын. Старшая девочка также посещала школу, а дома помогала матери. Небольшое было хозяйство у Айно, а дело всё же находилось.

Нередко Айно уходила в помещичьи усадьбы стирать бельё или мыть полы. И это бабье дело делала она так, что за нею не угоняться. И хозяйки ею были довольны, и зарабатывала она немало денег стиркой. А потом вышло так, что одна помещица, особенно полюбившая трудолюбивую женщину, по имени Сируленд, уступила Айно тёлочку. Много времени работала Айно за эту тёлочку, и всё лелеяла мечту, когда у неё из тёлочки вырастет настоящая корова.

Случилось это нескоро, но всё же случилось. Много хлопот и забот было у Айно с тёлочкой, но она не жалела сил, чтобы вырастить любимицу.

Зато какая радость была у Айно, когда её тёлочка выросла в большую корову и выродила Айно новую тёлочку, похожую на себя. Молоко по летам Айно продавала дачникам, а деньги расходовала с осторожностью, мечтая уже о лошади.

Много смеялись над Айно соседи, когда узнали о её меч-

таниях о лошади.

– Куда тебе она? В извозчиках что ли хочешь ездить?

Без ответа оставляла Айно такие замечания, а сама думала:

«Подождите, покажу я вам, для чего мне нужна лошадь»...

Сыну Генриху она говорила:

– Учись скорее своему делу, да и выходи в мастера, а там займёшься и своим хозяйством.

Слушает Генрих, что говорит мать, а сам точно и не слушает. Понимает он, что и кузнечным мастером хорошо быть, и кузницу свою иметь, а ещё лучше бы уехать в Выборг или в Петербург и там попробовать служить где-нибудь или работать на заводе.

Встречал Генрих людей, которые работали в городах, и чем больше встречал таких людей, и чем чаще беседовал с ними, тем сильнее хотелось ему уехать в город и попытать своё счастье.

На восемнадцатом году Генрих опечалил свою мать. Лелеяла она мечту о своей лошади и денежки приберегала на лошадь, а Генрих вдруг заявил:

– Собери мне рубашки. Поеду в Петербург, в кузнецы на завод поступлю... С Пекка Райнинен и будем вместе работать.

– Ай-ай-ай!.. – взмолилась Айно. – Что же ты хочешь?.. Пекка только водку научился пить в Петербурге. Покинуть

меня ты хочешь?..

Мечтательному Генриху ничего не стоило доказать матери, что как будет важно, если он поедет в Петербург. Называл он имена рабочих, вернувшихся из столицы, говорил об их заработках, и выходило так, что кроме радости этот самый Петербург ничего принести не может.

Уверовала ли Айно в мечтания сына, или ещё какие-либо соображения повлияли на её решение, но только отпустила она Генриха в Питер и даже денег дала ему на первое время. И теперь мечтала уже о том, как её сын вернётся из столицы и привезёт заработанный деньги. А тогда она непременно купит лошадь и будет сама и пахать, и боронить землю.

Подрастал и второй сын Карло. Но Айно теперь уже решила, что ни в какие кузнецы она не отдаст своего любимца, а приспособить его к домашнему хозяйству вместе с дочкой Хильдой.

И вот видят, бывало, люди, роется в огороде Айно, а около неё сын её Карло, белокурый мальчуган с короткими, но крепкими ногами, и дочка Хильда, у которой голубые глаза могут поспорить с самим небом.

Карло нравилась работа в огороде и в поле, а Хильда любила помогать матери в домашнем хозяйстве.

А подростки посмеивались над ним и часто говорили:

– Совсем ты девчонкой родился!

И едким нехорошим смехом смеялись. А мать Карло говорила:

– Пусть смеются, Карло, пусть! А вот пройдёт время, и будет у нас с тобой настоящее хозяйство: и лошадь, и коровы, и поля с хлебом.

Пятнадцатилетний Карло вслушивался в слова матери и верил в то, о чём говорила она.

А из Петербурга приходили вести всё тревожнее и тревожнее. Хорошо зарабатывал Генрих, но никогда не было случая, чтобы догадался он прислать матери денег. Научился Генрих пить водку и повёл такое знакомство, что ничего хорошего оно обещать не могло молодому человеку.

Поплакала Айно, написала сыну письмо и долго верила, что он послушается и вернётся домой. А вышло такое дело, что лучше бы Айно и не имела Генриха сыном. Попался он с товарищами в каком-то нехорошем деле с кражей и угодил в тюрьму.

Прошло больше года. Вернулся Генрих на родину и опять вышло так, что не порадовалась его возвращению мать.

Вернулся Генрих оборванный и даже пьяный. Всплакнула над сыном мать, да что значат в таких случаях материнские слёзы. Сколько ни плачь, ни горюй, – не станет от этого Генрих лучше, да и пагубной привычки к вину не оставлял.

Набрала в себе сил Айно и заявила сыну:

– Живи, как хочешь, а только Карло моего не смущай. А то прогоню тебя из дома.

Говорит так с сыном строго и холодно, а придёт ночь, и плачет Айно в одиночестве, и оплакивает судьбу своего

Генриха.

Был и такой случай. Призвала Айно стариков деревни, рассказала, как живёт её Генрих и просила:

– Рассудите вы его и пристыдите: пьёт, а ничего не делает.

Собрались старики, и сам уважаемый Григорий Манонен пришёл на увещевание. Поговорили старики с молодым кузнецом, но только ничего из этих разговоров не вышло. Послушал-послушал Генрих стариков и всё головою кивал, что, мол, согласен с вами, а когда ушёл, то долго смеялся над судьями своими и над матерью.

Уехал Генрих на усикирский пивоваренный завод и поступил в кузнечную мастерскую, но эта отлучка сына уже не порадовала Айно. Можно ли Генриху служить около пива? Разве он удержится от соблазна?

И правда, скоро стали приходиться с завода вести, что Генрих, хотя и хорошо зарабатывает, но пить не перестаёт. А главное, никогда не догадается помочь матери деньгами, и младшему брату, и сёстрам ничего никогда не купит: живёт только для себя. А сёстры подрастают, им надо бы помочь: какая же девичья жизнь без ленточки в волосах или без перстенёчка на пальце.

Прошло не более года, и опять Генрих вернулся домой. Из заводской кузницы его уволили за пьянство и за дерзости. Вернулся он домой и поступил в кузницу Микки Ляунен. А какой Ляунен кузнец!? Такой же как и Генрих пьянчужка. Работает хорошо и много, и всё пропивает или проигрывает

в карты. Теперь Микка стал пьянствовать вместе с Генрихом.

А Айно всё старела да изнемогала от тревог жизни. И никто не мог понять горя старой Айно. Бывало, каждый ещё норовить упрекнуть: что, мол, Айно, всё жалуешься на жизнь, у тебя дети – кормильцы.

И так горько становилось на душе Айно после таких разговоров, точно сговорились люди посмеяться над бедной вдовой. Утешал Айно только один Карло. Чем больше Генрих отбивался от семьи, тем больше старался быть полезным для дома Карло.

Смешно, бывало, смотреть на Айно и на Карло, когда они в зимнее время везут откуда-нибудь бельё для стирки или купят в лавке муки или картофеля и везут на санках мешки.

В маленькие санки Айно впрягает тёмного и лохматого пса Мусти. Собака у Айно большая и сильная, и послушная, да и кротости отменной. Уж если Айно наденет на пса хомут, сшитый Карло, наложит на сани поклажу, то пёс и чувствует, что надо слушаться и идти туда, куда его подгоняют или направляют вожжами. Подёргивает острыми ушами Мусти, как лошадь прядёт ушами, а сама негромко поскуливает: тяжело везти мешки, а как же не слушаться – Айно так любит Мусти и так сытно его кормит.

А старая Айно шагает за санками вместе с Карло, а сама мечтает о том времени, когда у неё будет настоящая лошадь.

С глубоким негодованием говорила Айно о своём сыне Генрихе. Всё она надеялась, что с течением времени Генрих,

быть может, и возьмётся за ум, и будет настоящим работником. Но сколько ни ждала Айно этого времени, не было никакой надежды, чтобы оно когда-нибудь пришло.

В разговоре со стариками Айно часто бранилась и бранила именно стариков. Как это они плохо заботились о лучшей жизни и не сделали так, чтобы молодёжь поменьше пила водки, да побольше бы работала. Что же старики могли сделать? Слушали, что говорила Айно, и молчали, и думали: «Верно говорит Айно, мы во всём виноваты».

А когда стали в приходе выбирать депутатов в сейм, Айно громче всех старалась выразить своё мнение о жизни. И говорила она, что депутаты непременно должны сделать так, чтобы молодёжь меньше пила и больше работала.

Посмеивались над Айно и молодые люди, и старики, зная, что сколько она ни кричи, всё равно не будет так, как она хочет: потому, как же запретить всем людям пить? Запрещают продавать водку и строго карают за тайную продажу вина, а что поделаешь с жизнью?..

Выступала Айно со своими речами и на собраниях рабочих. Горячо говорила, убедительно, и рабочие поддерживали её. Откровенно говорила она о своём сыне как о жертве пагубной страсти, и эта часть речи Айно показалась всем особенно убедительной.

Как-то весной по всей Финляндии растащили и развезли листки от сеймовых депутатов. А в этих листках спрашивали: как поступить – разрешить ли стране вольную продажу

вина и водки или остаться при прежних порядках?

Горячо ухватилась Айно за обсуждение общего дела. Прежде всего, приступила с разговорами к женщинам и убедилась, что все женщины и матери, и сёстры, и невесты – на её стороне. У каждой из них либо муж, либо сын или брат, либо жених упивались водкой, покупая её за дорогую плату. И каждая из женщин старалась выкрикнуть: мол, не надо новых порядков. Пусть как и раньше останется запрет на продажу спиртных напитков.

Побывала Айно и в соседних деревнях на собраниях и везде твердила одно и то же. И скоро все узнали, что Айно из леса – самая горячая противница пьянства. Вызвали её даже в Выборг. И здесь она на каком-то собрании говорила речь о том, что сеймовые депутаты должны сделать так, чтобы вся страна стала трезвой. И в Выборге нашлись люди, которые посмеивались над Айно из леса, но нашлись и такие, которые в своих речах поддерживали старуху.

И пошли по всем приходам собрания. Каждое воскресенье сходились люди и собирали голоса: кто за водку, кто – против? На каждом из таких собраний Айно говорила и больше всех, и всех горячее.

Стоит Айно у стола, повязанная скромным тёмным платком, да и говорит, и так говорит, что люди, недавно сомневавшиеся в правде её слов, начинали думать так же как и Айно из леса.

Из тёмного леса принесла Айно непреклонную волю и по-

бедила. Благодаря её стараниям на последнем собраниях были все женщины прихода, и мужчины разом почувствовали свою слабость.

– И зачем это женщинам предоставлено право голоса на собраниях? – слышались замечания в толпе мужчин.

И многие из мужчин, любящие выпить, открыто негодовали на Айно и на других женщин. А вышло так, что по всем почти приходам победили такие же горячие поборницы трезвости, какой была Айно из леса.

* * *

С тех пор за Айно упрочилось прозвище **Аино из леса**, и каждый в уезде слышал о ней как о горячей поборнице трезвости.

Говорили о ней и как о хорошей хозяйке. А женщины, у которых мужья не особенно любят работу, говорят:

– Айно из леса тебе бы в жёны-то. Она тебя научила бы работать!

А хозяйство Айно процветало. Добилась она того, что купила своему Карло хорошую, быструю и такую весёлую лошадку. И сделался Карло настоящим работником. А когда работы в поле нет, он возит со станции дачников.